

Часть первая

Глава 1

*Восточное побережье Свеаланда,
осень 913 года*

Снефрид зажгла три глиняных светильника на крышке большого ларя — по одному для каждой из трех норн. Между ними положила веретено — для самой госпожи Фригг. Веретено — из верхушки молодой ели, длиной чуть менее локтя — принадлежало еще Виглинд, матери Снефрид. Пряслень, сидевший ближе к острому концу, был еще старше и достался Виглинд от ее матери — он был выточен из куска густо-рыжего янтаря, из слезы Фрейи, упавшей в море.

— Фридлейв хочет получить ответ, — сказал Снефрид отец. — Ты что-то решила?

Что время пришло, Снефрид поняла, когда увидела, как они вдвоем въезжают во двор — ее отец Асбранд Эриль и Оттар, один из хускарлов Фридлейва.

Оттар был мужчиной средних лет, среднего роста, довольно коренастый. Черты простого лица с крупноватым носом, рыжеватыми бровями и такой же бородкой красотой не блистали, но добрый взгляд небольших серых глаз придавал ему неяркое обаяние.

— Хёвдинг послал меня узнать, может, ты уже что-то надумала? — поздоровавшись с хозяйкой, объявил он. — Не то чтобы хёвдинг тебя торопил, но у тебя было на раздумье больше трех месяцев.

— Конечно, великодушие Фридлейва всем известно. Сейчас я дам ответ, — пообещала Снефрид. — Выпьете пока пива?

— О нет! — Посланец закатил глаза. — Только не это. Пиво уже льется у меня из ушей. Может, есть сыворотка?

— Как ты необычен в твоих желаниях! — сказала Снефрид, и все трое засмеялись.

Асбранд Эриль ездил к хёвдингу на пир Зимнего Полнолуния — уж конечно, недостатка в пиве там не ощущалось. Фридлейв — богатейший человек в округе, и уж если он устраивает жертвенные пиры, сто человек не смогут протрезветь ни разу за три дня.

Снефрид налила им сыворотки и ушла в спальный чулан; его занимали родители, пока мать была жива. Ей требовались тишина и уединение. Она поднесла сухую веточку чабреца к огоньку светильника и зашептала, глядя, как та обгорает, порождая мелкие струйки дыма:

*Правду мне поведай, норна,
Что спрошу я, отвечай.
Пламя волн¹ взамен дарю я,
Лед ладони принимай.
Сына конунга получишь,
Что отважней в мифе нет,
Земли все его в придачу,
Если верный дашь ответ.
Приоткрой мне правду, Дева,
И ни словом не солги,
Иль в огонь тебя я брошу,
В жарком пламени гори!²*

Этому заклинанию ее научила мать — а ту ее мать, старая Лауга. Повторяя его, Снефрид видела все это перед собой как наяву: стройную деву в синих одеждах, стоящую на воздухе прямо над чашей Источника Мимира, серебро и золото це-

¹ Пламя волн — золото, лед ладони — серебро. (Здесь и далее примечания автора.)

² Стихотворный текст заклинания — мой собственный, за основу взят перевод заговора из книги «Рунические заговоры и апокрифические молитвы» Л. Кораблева.

лыми грудями и даже прекрасного сына конунга. Прекрасный сын конунга присутствует в воображении всякой девочки; пусть ей всего восемь или девять лет, он уже седлает коня или поднимает парус, чтобы ехать за нею — дорога-то не близкая. Суля награды норне, Снефрид чувствовала себя богатой, как сама Фригг: мол, у нее столько этих конунговых сыновей, один лучше другого, что она может щедро раздавать их. А с прорицающими духами, как учила мать, нужно обращаться строго, даже можно припугнуть, иначе они не станут слушаться.

— Поддай мне знак, как поступить, — добавила Снефрид, — что продать ради этого долга: хутор или ларец? Пусть правый светильник будет хутором, а левый — ларцом.

Она взяла веретено за середину, примерилась и крутанула. Мать научила Снефрид гадать с веретеном, еще когда той было лет семь или восемь. Ничего хитрого, ребенок справится. Сейчас Снефрид было двадцать три года, и никто, кроме богинь, не мог дать ей верного совета. Хутор Южный Склон, где она жила, принадлежал ее мужу, и было примерно понятно, сколько за него дадут; загадочный ларец принадлежал неизвестно кому, его содержимое было неведомо, и Снефрид не могла даже представить, сколько за него следует запросить.

Более толстый верхний конец веретена при вращении почти не двинулся с места, более тонкий конец с прясленем описал широкий круг, качнулся назад, снова вперед и наконец замер.

Некоторое время Снефрид смотрела на тонкий конец, пытаясь понять, нравится ей ответ или нет. Этот выход обещал больше хлопот, чем другой, но зато, пожалуй, был честнее.

Она вышла в теплый покой, где у очага сидели отец и Оттар, неспешно толкуя о приемах, как обеспечить хозяйство козьим молоком на зиму.

— Я решила! — объявила Снефрид, когда двое мужчин повернули головы к ней. — Оттар, передай Фридлейву, что я продаю хутор моего мужа. Пусть Фридлейв приедет, чтобы оценить его, или пришлет своих людей.

— Я могу это сделать сам, — кивнул Оттар. — Фридлейв поручил мне осмотреть хутор, если вы решитесь на продажу. Он был уверен, что так и случится.

— Нетрудно было догадаться. — Снефрид улыбнулась, будто речь шла о безделице. — У нас ведь нет больше ничего ценного, что потянуло бы на сотню серебра.

* * *

Снефрид решила, что пора выходить замуж, когда ей исполнилось шестнадцать. Ульвару, ее жениху, было на пять лет больше, и тем летом Гуннар впервые отправил его одного на Готланд на корабле конунговых людей и с грузом плавленного железа. Ульвар с делом справился хорошо, и, когда Гуннар явился к своему приятелю, Асбранду Эрилю, отметить это событие, то намекнул:

— Может, Асбранд, уже и пришло время. — Он подмигнул, указывая на Снефрид, которая стояла возле стола, приглядывая, не подать ли еще чего. — Пусть парень чувствует себя полным хозяином.

— Что думаешь, Снеф? — Асбранд повернулся к дочери.

Он с детства называл ее смешным именем Снеф вместо Фридо, как обычно делают.

— Почему бы и нет? — Снефрид улыбнулась и двинула плечом. — Кажется, этот парень уже может прокормить семью!

Ульвар ухмыльнулся, и видно было, что он не возражает.

О том, что этим двоим неплохо бы справить свадьбу, Асбранд и Гуннар полушутя договорились лет пять или шесть назад. Пятнадцатилетние парни не обращают внимания на десятилетних девчонок, но Ульвар однажды, приехав с каким-то поручением от отца к Асбранду, не застал его дома, решил подождать и от скуки предложил Снефрид сыграть в кости. Больше играть было не с кем, даже работники на хуторе все разошлись по делам, а Снефрид как раз закончила делать козий сыр и отдыхала. В ту пору она, чтобы дотянуться до котлов над очагом, подставляла скамеечку. Жена Асбранда умерла год назад, и хозяйкой усадьбы числилась Снефрид.

В ответ на это предложение она окинула Ульвара надменным взглядом:

— Только мне и дела, что играть со всякими бездельниками!

— Да уж я вижу — вся усадьба на твоих плечах! — хмыкнул Ульвар, меряя глазами белобрысую хозяйку, у которой старый материнский передник был подвязан под самые подмышки.

— У кого довольно удачи, тому не помешает недостаток роста.

— Удачи? Считаешь, у тебя ее много?

— Я обыграю тебя.

— Да ну! — Ульвар любил бросать кости и привык считать себя любимцем норн. — Ну, и что ты можешь поставить? Лепешку разве?

— Вот что... — Снефрид ненадолго задумалась. — Если я проиграю, то пришью тебе заплатку на локоть.

Ульвар схватился за локоть — так и есть, дыра! Вчера же не было, когда успела появиться?

— А если я выиграю, то ты... провезешь меня на спине до Асбрандова камня и обратно.

— Идет! — согласился Ульвар, желая получить заплатку.

Какая из этой козьявки швея — норны знают, но все лучше, чем опять просить мачеху или кого-то из скотниц.

Присев на теплую траву у ограды, где лежали три сонные овцы, они стали бросать кости на выступающий из земли гладкий плоский камень. Первым же броском Снефрид обставила Ульвара на четыре очка — ей выпало две шестерки.

— Тебя подкинули альвы! — возмутился он, не веря, что какой-то девчонке может так везти. — Так нечестно!

— Альвы меня не подкинули. У всех потомков Асбранда Снежного серебряные глаза и большая удача. Тебе следовало бы об этом знать, прежде чем играть со мной.

Пришлось Ульвару поработать лошадью. Это зрелище застал вернувшийся Асбранд; он рассказал Гуннару, и они, смеясь, решили: вот валькирия растет, в десять лет уже оседлала парня! Так легко Ульвару эту ношу теперь с плеч не скинуть...

Годы шли, и постепенно Ульвар начал волноваться, как бы Снефрид не вздумала присмотреть себе другого «скакуна». Лет в тринадцать она была уже ростом со взрослую, скамеечка, чтобы дотянуться до котлов над очагом, ей больше не требовалась. В ее серебристо-серых, с легким отливом фиалки, глазах уже мерцало это чуть насмешливое, уверенное

выражение, прославившее ее впоследствии, — будто она весь мир видит насквозь и находит в нем немало забавного. К шестнадцати годам она еще чуть подросла и развилась: не слишком тонкая талия и ровные бедра делали очертания фигуры скорее крепкими, чем хрупкими, грудь была невелика, но выглядела Снефрид столь пленительно, что Ульвар опасался, как бы ее не увели, если только пройдет слух, что дочь Асбранда Эриля уже годится в жены. В ее белом лице с правильными, жесткими чертами так упоительно смешались юная красота и уверенность зрелого ума, что Ульвар, хоть и был старше, рано привык признавать ее превосходство над собой. Блестящие светлые волосы, светлые брови, более широкие на внутреннем конце, яркие губы и уверенный, значительный вид придавали ей облик существа, спустившегося из Альвхейма. Во всей «корабельной сотне» ни одна девушка не могла с нею тягаться красотой, умом и способностями.

Снефрид тоже не видела смысла тянуть со свадьбой. «Сильнее повзрослеть я уже не могу, — объясняла она отцу, — остается только постареть. А какой смысл стареть незамужней?»

Гуннар все сильнее хворал, Ульвару приходилось ездить по торговым делам одному. Пользуясь давними отцовскими связями, зимой он скупал по усадьбам и хуторам плавленое железо и шкуры, летом забирал соленую рыбу и сбывал ее в Дорестад, где ее охотно брали христиане. Мачеха его к тому времени умерла, а Гуннар считал себя уже слишком старым, чтобы жениться в третий раз. После свадьбы Снефрид переселилась на хутор Южный Склон, где и прожила вполне благополучно около пяти лет. По многу месяцев зимой и летом Ульвара не бывало дома, но Снефрид управлялась со скотом, хозяйством и челядью одна, благо и отец жил всего в половине роздыха и всегда мог ей помочь советом и делом.

Близилась седьмая зима ее замужней жизни, когда Ульвар не вернулся вовремя. Он всегда возвращался задолго до осенних пиров, но вот уже приблизилось полнолуние, называемое Зимним, а его все не было. Этим летом он должен был идти сперва на Готланд, а оттуда в Хедебю с грузом пушнины, но вовсе не говорил, что останется там на зиму, да и зачем? Лето закончилось, море штормило, корабли давно лежали на берегу, и Снефрид перестала ждать. Асбранд, че-

ловец сведущий, пробовал гадать: руны говорили, что Ульвар жив, но скорой встречи не обещали.

Только следующим летом, когда корабли стали прибывать в Бьёрко, Снефрид кое-что узнала. К ней в Южный Склон приехал человек из Лебязьего Камня с поручением от Фридлейва хёвдинга, а Фридлейву привезли новости его люди из Бьёрко. Вести пришли дурные. Прошлым летом сразу несколько кораблей, на которых везли товары люди Бьёрна конунга, были ограблены Эйриком Берсерком, «морским конунгом» с большой дружиной. Этот Эйрик приходился Бьёрну, конунгу Свеаланда, родным внуком, но дед отказывался его признавать, и он в отместку вредил ему, где только мог. Среди этих кораблей был и тот, на котором Ульвар вез на запад закупленную на Готланде пушнину, свою и еще двоих фелагов¹ — Фроди Лосося и Кальва Овчара. Самого Ульвара люди уже после того видели на Готланде — он каким-то чудом спасся, хотя всех прочих людей Эйрик взял в плен и обратил в рабство.

— Какое счастье для Ульвара, что он уцелел! — говорил Фридлейв. — Норны особенно о нем позаботились. Это ты, Снефрид, окружила его такими могучими чарами?

— Ты шутишь, Фридлейв хёвдинг! — отмахивалась Снефрид. — Я вовсе не умею творить никаких чар.

— Я думал, тетка тебя подучила.. ну-ну, я шучу. Однако жаль, если так. Ульвар очень рассчитывал на прибыль с этой пушнины, даже взял у меня восемьдесят эйриров серебра..

— Да, я знаю, — ровным голосом отвечала Снефрид. — Я подумаю, как вернуть этот долг. Ведь если Ульвар жив и на свободе, доброе имя еще понадобится ему.

— Ты редкая женщина, Снефрид! Другие жены сейчас только проклинали бы судьбу, викингов и мужа, а ты заботаешься о его добром имени!

— Я предпочитаю брать пример с тех жен, что делали честь себе и мужьям, а не наоборот.

— Такая женщина заслуживает более толкового мужа, чем Ульвар, — пробормотал Фридлейв, глядя, как Снефрид удаляется.

¹ Фелаги — компаньоны по торговому предприятию, могли совместно владеть кораблем, товаром и так далее.

На губах ее играла легкая улыбка, будто она благодарна за полученные вести, но душой овладевала растерянность. Странное положение: муж ее жив, но неизвестно, где находится и когда вернется. Имущество пропало, и еще остался весьма значительный долг. Восьмидесяти эйриров серебра у нее не было, и отец мог дать только четверть этой суммы. Фридлейв не торопил ее, оставив время на раздумье, но Снефрид и сама понимала: ради чести Ульвара долг нужно вернуть. Без этого Ульвару не будет удачи, и он никогда не сможет восполнить утраченное... Да и как?

В начале зимы Фридлейв купил хутор Южный Склон за две сотни серебра. Из этой суммы Снефрид уплатила ему семьдесят эйриров, и сотня с лишним у нее осталась. С этим она вернулась к отцу, в Оленьи Поляны, где и прожила еще год. Об Ульваре за это время не пришло никаких вестей.

* * *

Дом на хуторе Оленьи Поляны был построен по-старинному. Главную его часть составлял теплый покой — помещение с длинным очагом и спальными помостами вдоль стен. Здесь же, внутри, был дощатыми стенками отгорожен спальный чулан, предназначенный для хозяйской четы, а на помостах спали работники и прочие домочадцы. Одна часть теплого покоя тоже была выгорожена для кладовой, а с другой стороны был пристроен женский покой — почти такой же, тоже с очагом, но меньшего размера. Там спали служанки, незамужние женщины, там же стоял ткацкий стан, прялки и все приспособления для домашних женских работ. К задней стороне теплого покоя были пристроены еще два узких помещения, не соприкасавшихся между собой: холодная клеть-кладовка и, в самом дальнем углу, отхожее место. Таким образом, дом не был цельным строением: к его главному «телу» в разных местах примыкало сразу три неодинаковых по величине «отростка», а изнутри он напоминал нору с тремя отнорками, выведенными в разные стороны.

Для семьи из двух человек, не считая служанки и двоих работников, дом был великоват, но таким он достался Асбранду Эрлиу от предков. Самым знаменитым из них был тоже Асбранд, по прозвищу Снежный. Прославился он тем,

что однажды холодной зимней ночью дал приют страшной на вид старухе, которая оказалась заколдованной дочерью конунга светлых альвов. Асбранд снял с нее чары, согласившись допустить ее к себе в постель, о чем ничуть не пожалел, когда чары с нее спали и стала видна ее красота. Наутро она исчезла, но через год вернулась и передала Асбранду новорожденного мальчика, их общего сына. У всех потомков того мальчика глаза были удивительного цвета — светло-серые, серебристые, с легким отливом лепестка фиалки.

Снефрид сидела в женском покое — вдвоем с Мьёлль они чесали шерсть, — когда услышала, как отец зовет ее встретить гостя: приехал Фроди Лосось. Фроди и его приятель, Кальв Овчар, были фелагами Ульвара, ведшими дела еще с его отцом. Та пушнина, которая пропала при грабеже, принадлежала всем троем в равных долях; после прихода дурных вестей Фроди и Кальв подали на Ульвара жалобу на тинге Упсалы, требуя, чтобы он возместил их часть стоимости пропавшего товара. Асбранд взялся вести на тинге это дело вместо отсутствующего зятя, и ему удалось убедить Бьёрна конунга, что если люди пострадали от одной и той же причины, то один не обязан возмещать убытки других. В этом его поддержал Фридлейв хёвдинг, и к нему конунг прислушался. Конечно, Фридлейв ввязался в дело не из одной любви к справедливости: он смекал, что если Снефрид вынудят выплатить убытки Фроди и Кальву, то он сам свой долг назад не получит. Но его притязания, как говорила Снефрид отцу, были справедливы: он лишь дал денег в долг, но не брал на себя риски. Фридлейв получил свои восемьдесят эйриров назад, а сколько у Снефрид осталось после продажи хутора, они договорились никому не открывать.

Каждый раз при виде Фроди Снефрид приходило в голову: ему бы больше подошло прозвище Кит. При высоком росте он был довольно грузен, и его туловище с небольшой продолговатой головой весьма напоминало китовую тушу. Мало какого гостя Снефрид была бы рада видеть меньше. Однако, услышав из женского покоя, что отец ее зовет, она быстро вымыла руки, сняла передник, надела зеленый хангерок поверх старого крашеного платья, когда-то красного, а теперь выцветшего до бледно-розового, в котором занималась домашними делами. Изношенные до дыр боковые

вставки у него уже были заменены на новые, из некрашеной шерсти, но хангерок удачно это прикрывал, так что в теплый покой она вышла, одетая как полагается для посторонних, с голубым шелковым чепчиком на голове.

— Привет и здоровья тебе, Снефрид! — заговорил Фроди, увидев ее. — Не надо хмуриться, не надо! Тебе это не к лицу!

Его длинное лицо, которое светлая борода и стоящие торчком над залысым лбом волосы делали еще длиннее, приобрело жалкий вид, когда он хотел казаться приветливым.

— Я вовсе не хмурюсь. — Снефрид продолжала улыбаться, хотя вот сейчас ей захотелось нахмуриться: зачем Фроди выдумывает то, чего нет?

— Но я же вижу, вижу! Ты думаешь, опять приехал этот докучливый... э... а я вынуждена принимать его... э...

При виде Снефрид, и в скромной домашней одежде величавой, как молодая норна, мужчины и покрепче духом, чем увалень Фроди, смущались и принимались блеять. Черты продолговатого, худощавого лица у нее были правильные, но скорее жесткие, чем тонкие, подбородок угловатый; лишь в профиль ее лицо выглядело изящно благодаря тонкому, с легкой горбинкой носу и выразительному высокому лбу. Да и взгляд больших глаз у нее был пристальным, сосредоточенным, как у мужчины. Так смотрят, держа в руках обнаженный клинок, и эти серебристо-серые глаза сами напоминали блестящую сталь. Но никто не считал Снефрид женщиной суровой или недружелюбной. Стоило на ее ярких, довольно пухлых губах появиться улыбке — и все лицо менялось, как по волшебству, черты смягчались, во взгляде появлялась приветливость и сердечное доверие. Говорили, что кровь альвов позволяет ей выглядеть то несгибаемой, как клинок из серебра, то нежной, как цветок шиповника, по своему выбору. Толкуя за пивом, все мужчины сходились, что нет в «сотне» корабельного округа женщины более прелестной. Ульвара называли редким везунчиком, что сумел раздобыть такую жену, и при этом редким болваном, что по полгода пропадает за морями, оставляя ее одну. Вокруг другой молодой женщины в таком положении вились бы сплетни, но Снефрид обладала способностью одним взглядом заморозить недостойные помыслы. Даже в эти последние годы, когда

она жила то одна, то у отца, будто вдова, а муж ее пропадал неведомо где, ее окружало такое достоинство, будто она королева, ждущая мужа с победоносной войны.

— Я вовсе так не думаю, Фроди, — сказала она, и сейчас ее серебристый взор выражал мягкую снисходительность. — Мы с отцом всегда тебе рады.

Фроди был слишком незначительным противником, чтобы она извлекла свой «серебряный клинок», но и не настолько приятным человеком, чтобы подносить ему цветок своей улыбки. И Фроди, похоже, чувствовал, что его она просто не удостоивает настоящим вниманием.

— Не подумай, я к вам вовсе не по тому делу! — оживленно продолжал он. — Скажу вам честно, взяли бы тролли это дело, я был бы только рад! Это все Кальв, Кальв это все, клянусь вам! Я бы давно уже на те деньги плюнул и забыл, плюнул и забыл! — Фроди махнул пухлой рукой. — Ну бы их в синюю скалу! Но это все Кальв, он уперся!

— Нет смысла это обсуждать, — попытался остановить его Асбранд. — Конунг же решил: раз уж людей ограбили викинги, никто в этом не виноват..

— Да, конунг прислушался к тебе.. я очень рад, очень рад! — поспешил уточнить Фроди. — Я вовсе не стал бы подавать с этим в суд, но Кальв решил это дело за нас двоих! Мол, если Ульвар вез товар, то он и отвечает..

— Хватит об этом, Фроди, — настойчиво посоветовала Снефрид. — Мы же здесь не на тинге, и конунга тут нет. Сейчас я принесу вам пива.

— Спасибо тебе, Снефрид, ты такая хорошая, добрая хозяйка! А я с чем приехал-то, Асбранд. — Не давая ей уйти, Фроди повернулся к отцу. — Тоже ради хозяйки. Ради моей бедной Гуннхильд. Я вот надумал: для такой хорошей женщины нужно сделать поминальный камень, нужно сделать! Ты ведь сделаешь его для меня, то есть для нее?

— Не часто приходится ставить камни по женщине, — Асбранд слегка удивился, — но отчего же нет? Это желание делает тебе честь, Фроди.

— Да что мне, я хочу ей оказать честь, ей! Напиши так: мол, Фроди поставил камень по Гуннхильд, своей жене, самой лучшей хозяйке на хуторе Синий Лес..

— Ты выбрал место?